

УДК 821.512.154: 81'25
DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-10-56-61

**ПРОЩАЯСЬ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКОЙ:
НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА КЫРГЫЗСКОЙ ПОЭЗИИ**

Б.А. Бейшеналиева

Аннотация. На материале последних публикаций русских переводов поэзии Токтогула Сатылганова (1989) и первой послереабилитационной публикации книги стихов Касыма Тыныстанова и её русских переводов (1992) рассматривается переломный момент истории перевода в Кыргызстане. Старший научный сотрудник проекта МОиН КР «Исследование истории и поэтики эпоса «Манас» как приоритетной национальной культурной ценности» Б.А. Бейшеналиева исследует меняющуюся в момент между масштабными культурно-политическими событиями реальность кыргызской поэзии и истории её перевода на русский язык, в том числе ломки связей национальных литератур и одновременно связей самой национальной литературы с культуuroобразующим государственным контекстом. Анализируется формирование новой роли русских переводчиков Кыргызстана как инициаторов обновляющегося литературного процесса, где усилиями переводчиков возрождаются состав древнетюркского поэтического наследия, компоненты вариантов эпоса «Манас», произведений акынов, а также роль переводчиков.

Ключевые слова: акынская лирика; антология; кыргызская поэзия; национальная литература; перевод; переводческая деятельность; подстрочник; подлинник; русские переводчики; эквивалент.

**МАМЛЕКЕТТИК КОЛДОО МЕНЕН КОШТОШУУ:
КЫРГЫЗ ПОЭЗИЯСЫНЫН ОРУСЧА КТОРМОСУНУН
ТАРЫХЫНДАГЫ ЖАҢЫ ЭТАП**

Б.А. Бейшеналиева

Аннотация. Токтогул Сатылгановдун поэзиясынын (1989) орусча котормолорунун акыркы басылмаларынын материалынын жана Касым Тыныстановдун ырлар китебинин реабилитациядан кийинки биринчи басылышы жана анын орусча котормолорунун (1992) негизинде Кыргызстандын котормо тарыхынын бурулуш учуру каралат. Кыргыз Республикасынын Билим берүү жана илим министрлигинин «Манас» эпосунун тарыхын жана поэтикасын артыкчылыктуу улуттук маданий баалуулук катары изилдөө» долбоорунун улук илимий кызматкери Б.А. Бейшеналиева кыргыз поэзиясынын масштабдуу маданий-саясий окуялардын ортосунда өзгөрүп жаткан чындыкты жана анын орус тилине которулуу тарыхын, анын ичинде улуттук адабияттардын байланышын жана ошол эле учурда улуттук адабияттын өзүнүн маданият түзүүчү мамлекеттик контекст менен байланышын изилдейт. Жаңылануучу адабий процесстин демилгечилери катары Кыргызстандын орус котормочуларынын жаңы ролунун калыптанышы, анда котормочулардын аракети менен байыркы түрк поэтикалык мурастарынын курамы, «Манас» эпосунун варианттарынын, акындардын чыгармаларынын компоненттери, ошондой эле котормочулардын ролу кайрадан жанданат.

Түйүндүү сөздөр: акын лирикасы; антология; кыргыз поэзиясы; улуттук адабият; котормо; котормочулук ишмердик; сап аралык; оригинал; орус котормочулары; эквивалент.

LEAVING GOVERNMENT SUPPORT:
A NEW STAGE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN TRANSLATION
OF KYRGYZ POETRY

B.A. Beishenalieva

Abstract. Russian translations of Toktogul Satylganov's poetry (1989) and the first post-rehabilitation publication of the book of poems by Kasym Tynystanov and its Russian translations (1992) are used to examine a turning point in the history of translation in Kyrgyzstan. Senior researcher of the project of the Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic «Research of the history and poetics of the epic «Manas» as a priority national cultural value» B.A. Beishenalieva explores the reality of Kyrgyz poetry and the history of its translation into Russian, which is changing at the moment between large-scale cultural and political events, including the breaking of the ties of national literatures and at the same time the ties of national literature itself with the culture-forming state context. The formation of a new role of the Russian translators of Kyrgyzstan as initiators of a renewed literary process is analyzed, where the translators' efforts revive the composition of the ancient Turkic poetic heritage, the components of the variants of the epic «Manas», the works of the Akyns, as well as the role of translators.

Keywords: Akyn lyrics; anthology; Kyrgyz poetry; national literature; translation; translation activity; interlinear; original; Russian translators; equivalent.

Завершение централизованной культурообразующей политики в издании наследия Токтогула в русском переводе. В юбилейном для акына 1989 г. вышел его двухтомник [1]. В переводе на русский язык в этом же году – однотомник его лирики [2], снабжённый коротким предисловием Ч. Айтматова и статьёй М.А. Рудова, которому инициатор издания, руководитель Бюро авторских прав, известный поэт и организатор литературы Камбаралы Бобулов доверил составительскую работу и отбор переводов. Эта «пограничная публикация» Токтогула в 1989 г. далеко не сразу была осознана как знак смены двух эпох.

Эти два десятилетия – 70–80-е годы – были отмечены интенсификацией литературного развития, в частности, появлением многочисленных поэтических произведений кыргызских поэтов (Дж. Садыкова, Р. Рыскулова, А. Джакшылыкова, С. Урмамбетова и многих других), различных по жанру и по форме, хотя преимущественно это были сборники стихотворений «в исполнении» московских переводчиков, заявивших о себе в литературе, но занимавших в иерархии авторитетов места, надо сказать, «средние» (Ст. Золотцев, Вл. Шлёнский, Г. Калашников, М. Синельников и др.). Издание переводных книг в Москве шло по сложившейся традиции: небольшими тиражами, небольшими объёмами и с достаточно ограниченным ареалом литературно-критической и читательской аудитории. Книги, как правило, рекомендовались

к изданию и позже, после выхода, обсуждались Советом по кыргызской литературе Союза писателей СССР и/или в ходе работы секций Союза писателей Киргизии.

Деятельность «московских» коллег-переводчиков осуществлялась на более высоком, сравнительно с 50–60-ми годами уровне, хотя их ровесники в Кыргызстане уже ничем не уступали им в мастерстве, превосходя, однако, в знании материала и опыте воссоздания повествовательной национальной стихотворной поэтики, а порой и в общей востоковедческой подготовке. Тем не менее центральные издательства «Художественная литература», «Советский писатель», «Молодая гвардия» и другие по понятным «кадрово-коммерческим» причинам предпочитали «своих». В редчайших случаях в элитных изданиях принималось переводческое творчество особо заметных – М. Синельникова с переводами из Алькула Осмонова (переводчик к тому времени перебрался в столицу и сосредоточил внимание на персидско-таджикском материале), С. Токомбаевой-Суловой (с переводами Аалы Токомбаева) и В. Шаповалова (с переводами А. Токомбаева, А. Осмонова, Суюнбая Эралиева, Темиркула Уметалиева).

Они и их старшие коллеги – Юрий Смышляев, Михаил Ронкин, Лев Аксельруд, Анатолий Бережной, Евгений Колесников, Марк Ватвагин, их ровесники Александр Никитенко, Николай Пустынников – составляли довольно заметную творческую группу, по своему потенциалу уже

значительно превосходившую предшественников – С. Фиксина, А. Борцова, Г. Дубровина.

Вышедшие в 80-е годы авторские «переводческие антологии» (жанр, начатый В. Шаповаловым [3], продолженный его наставниками М. Ронкиным и Ю. Смышляевым) ещё более подчеркнули самостоятельное и заметное присутствие русских поэтов-переводчиков в кыргызской поэзии, в региональном и общесоюзном литературном процессе – и в том числе оформление нового поколения. Активизировалась деятельность журнала «Литературный Кыргызстан», чьи возрастающие тиражи способствовали активизации литературных связей. Об этом, выделяя успехи молодых поэтов-переводчиков Кыргызстана, на VIII съезде писателей говорил первый секретарь СП СССР В. Карпов.

В этой ситуации издание лирики Токтогула стало отчётливым знаком консолидации переводческих усилий.

В защите имени Токтогула Сатылганова и возрождении адекватного внимания к его творчеству и должной оценки наследия акына (забытого и умершего, как отмечали его историки, от голода в 1937 г.) в значительной степени сыграла роль русская переводческая литературная общность, как несколько позже в его популяризации – русская критика Кыргызстана: так было в 50-е годы и с Алыкулом Осмоновым (который всегда помнил, что сделали для него русские переводчики и коллеги); так было в 80-е годы и с Тологоном Касымбековым (который об этом с наступлением суверенитета предпочёл забыть).

Однотомник лирики Токтогула продемонстрировал заметную эволюцию подходов и формирование переводческой поэтики. Это бросается в глаза, если подытожить переводческий интерес к одному из шедевров акына – его элегии «Алымкан».

«Лирическая песня Токтогула «Алымкан», – писал литературовед и переводчик В. Шаповалов [4, с. 75], – одно из известнейших и любимейших поэтических произведений в кыргызской читательской аудитории и – шире, если учесть бытование песни в народе – во всей художественной культуре. Причём произведение имеет как бы двойную реализацию – случай

в мировой культурной истории, разумеется, не единичный, но достаточно редкий... Плодотворной и почти не имеющей прецедентов могла бы оказаться попытка проанализировать переводческие перспективы одного из этих двух вариантов – песенного, существующего в звуковой, мелодической реализации и в виде текста».

Продолжая анализ лирического шедевра, учёный отмечает: «...Стихотворение», точнее литературная запись этой песни от учеников акына, – в том виде, в каком оно предстаёт в изданиях его произведений, оригинале это небольшое стихотворение, разбитое на строфы, с прибавлением повтора-обращения «Алымкан!» в отдельных местах...» [4, с. 75]. Здесь из полного текста цитат автора статьи мы приведём лишь первые 12 строк оригинала и каждого перевода:

*Атка салган дилдейсиң,
Ачылган кызыл гүлдөйсүң,
Бир күнү оору, бир күн соо,
Алымкан, азабың тартсам билбейсиң.
Бетегелүү майданым,
Пейли жакшы жайдарым!
Көлөкөлүү майданым,
Көөнү жакшы жайдарым!*

*Букардын тоосу бурулуш,
Бурулуп учат улуу куш.
Бурулуп мага келе кет,
Алымкан, мунжуга салбай кыйын иш!.. [4,
с. 75].*

«Первым, – сообщает исследователь, – был перевод «Алымкан», выполненный Александром Жаровым, появившийся впервые в 1940 году, он издавался трижды и просуществовал вплоть до издания 1958 года; об этом приходится говорить с сожалением, которое обосновывается необыкновенно низким качеством этого переложения:

*Ты, как сбруя коня, золота,
Ты, как свежий цветок, налита,
Я был здоров. Я заболел
Тобою, моя Алымкан.
Ты – степь моя, густой ковыль,
Ты – мой тенистый дол.*

*О, сколько ласки, доброты,
Сердечности в тебе нашёл...*

*Над изгибом бухарской горы
Реют птицы до поздней поры.
Ты в этот час приди ко мне,
Уйми мой недуг, Алымкан» [4, с. 75].*

При переводе «Алымкан» отказ такого рода означал бы полную невозможность перенесения песни на русскую почву... Здесь впервые «Алымкан» переводится опытным переводчиком, бесспорно ориентированным в природе этнокультурного профессионализма, и весьма одарённым поэтом:

*Ты, как сбруя, блестяшь золотая,
Ты пленяешь людей, расцветая,
Но тебе невдомёк, что Токо занемог,
Что томлюсь я, о милой мечтаю.
Ты просторам ковыльным подобна,
Добронравна и сердцем беззлобна,
Ты – как тень средь степи раскалённой,
И приветлив твой взор благосклонный.*

*Над бухарским раздольем кружится,
Всё снижаясь, матёрая птица.
Воротись же и ты и не мучай,
Не покинь меня в горести жгучей!.. [4, с. 80].*

После публикации этого перевода (и этой книги) Токтогул значительное время не привлекает внимания в издательско-переводческом плане. По-видимому, 70–80-е годы попросту были связаны с решением задач, которые казались и новыми, и первостепенно важными. Выход киргизской литературы «с аильного пятачка» на «всесоюзный простор», как было заявлено в одной из критических дискуссий первой половины 70-х годов, занимал умы в большей степени, чем господствовавшие в эти годы в мировой культуре проблемы национально-культурного наследия» [4, с. 82]. Издание 1964 года было юбилейным, потому представительная по объёму книга Токтогула вышла спустя всего лишь шесть лет после издания 1958 года, которое в свою очередь было связано с Декадой киргизского искусства и литературы в 1959 году. А поскольку

следующий юбилей был приурочен был к достаточно «круглой» дате, то понятно, почему последнее на сегодня издание Токтогула появилось в 1989 г., к 125-летию рождения акына.

Подытоживая рассуждения и приводя их в соответствие с целью увидеть эволюцию переводческого мастерства: от перевода к переводу повышается целенаправленная интенсивность воспроизведения киргизской акынской поэтики, и последний из переводов – ко всему ещё и осознанный акт филолога, ступень в возможностях культурологического прочтения оригинала – и прочтения (что исключительно важно!) не как индивидуального лирического послания вне времени и национально-культурной традиции, а как совершенно определённого памятника совершенно определённой эпохи. Именно поэтому переводу М. Рудова свойственна верность там, где предыдущие переводчики сделали грубые, а подчас и оскорбительные этнокультуроведческие ошибки. Этнокультурный код переводчика, таким образом, оказывается определяющим в выработке программы перевода устной поэзии; но вряд ли дело обстоит так же однозначно, если переводится литературно-профессиональная поэзия – с иной дистанции. И в этом утверждении современные литературоведы сходятся с мнением, что перевод поэзии – это процесс сложный и многогранный: «При переводе художественного текста, особенно стихов, важное значение имеют творческое родство и психологическая совместимость как автора, так и переводчика. Их духовное родство помогает создать новое произведение, которое проходит через сито переводимого языка, подчиняется законам другого народа (языка). Чтобы понять и, как говорится «приватизировать» произведение другого языка, необходимо переводчику заново пройти процесс создания такого же шедевра, таких же творческих мучений, которые прошёл автор оригинала. Переводчику предстоит двойная работа, он ещё более страдальчески выполняет свою миссию, тщательным образом подбирая языковые эквиваленты, метафорические сравнения, свойственные языку перевода» [4].

Наименее «поэтичным», но бесспорно наиболее состоявшимся с точки зрения культурной стилистики на сегодняшний день является

перевод М. Рудова, предполагающий системный филологический и этнокультуроведческий подход, восстанавливающий в системе образов русскоязычной культуры особенности оригинала.

В этом плане перспективным является, возможно, подход не к литературной записи песни (которая всегда была объектом перевода), а к её тексту для музыкального исполнения (как она, собственно, и создавалась).

Исследователь в итоге резюмирует: «Это явление, сосредоточенное на рецептивной стороне поэтики оригинала (принципы прочтения «Алымкан» переводчиками разных поколений и литературных эпох) и художественной состоятельности каждого перевода, как самостоятельно существующего в складывающейся литературной традиции восприятия кыргызской литературы. Оно в многонациональном культурном контексте знаменует развитие переводческой методологии» [5].

От издания Токтогула – последней, государственной по сути, акции путь русского перевода кыргызской поэзии приобретает иную направленность.

Отделение этого периода от предшествующей истории кыргызской поэзии и её русского перевода, конечно же, условно. История литературы, как известно, не может быть дискретной, как и сама история цивилизации.

Открытие Касыма Тыныстанова: первые образцы лирики и первая романтическая поэма в переводах на русский язык. Во Фрунзе работала в 1982 г. Комиссия по творческой реабилитации поэтического наследия, в том числе и имени репрессированного поэта и учёного Касыма Тыныстанова (1902–1938), это было открытие ранее запретной литературы, и прежде всего наследия Тыныстанова, которое было аккумулировано в его книге стихов «Касым ырларынын жыйнагы» [6], написанной на казахском (ранняя лирика), на кыргызском (более зрелая лирика и поэма) и изданной в Казани в 1925 г. Фактически это был второй поэтический сборник, но по содержанию и уровню бесспорно первый на заре литературы Кыргызстана.

Председательствовала в комиссии известный критик Зоя Кедрина, членами были Мар Байджиев, Салижан Джигитов, Вадим Ковский,

Вячеслав Шаповалов. Позже, в середине 80-х, машинопись русских подстрочников этой книги была передана, по указанию секретаря ЦК КП Киргизии Медеткана Шеримкулова, поэту-переводчику В. Шаповалову. В ходе работы по переводу переводчик, по настоятельной просьбе литературоведа М. Рудова, активно пытавшегося утвердить себя в переводческой практике, передал ему часть подстрочников (преимущественно казахских стихов), сосредоточившись на поэме «Джаныл Мырза», первой кыргызской романтической поэме, и зрелой лирике.

Открытие Тыныстанова стало открытием новой литературной эпохи и эпохи перевода.

Проблема эта с точки зрения истории культуры в силу своей важности и объёмности заслуживает отдельного рассмотрения. Мы же здесь конспективно изложим события литературного процесса, утвердившие начало этой новой литературной эпохи.

В 1992 году проведение юбилея прежде опального поэта в Прииссыккулье, в с. Чырпыкты, на его родине, стало первым масштабным чествованием одного из основоположников национальной литературы. К этому времени был завершён перевод поэмы, опубликован в газетах «Республика» и «Иссык-Кульская правда», продемонстрирован общественности на юбилейных торжествах.

Статья В.И. Шаповалова «Касым Тыныстанова как зеркало культурной революции» определила черты поэтического наследия и перспективы новой страницы перевода в Кыргызстане [7].

На примере судьбы этого наследия прослеживается судьба культуры Кыргызстана – причём не только кыргызской, но и русской, и всяких других. Под вывеской многих национально-культурных обществ (тот факт, что они появились и действуют, конечно же, глубоко положителен и закономерен) происходит постепенное размежевание по-своему единой многонациональной культуры на «субкультуры» наций [8, с. 147]. Разумеется, вопрос этот сложен и многообъёмен, а процессы размежевания естественны для какого-то недолгого промежутка времени: чтобы собраться по-новому, нужно на время разойтись. Но какими потерями сопровождается этот развод – об этом можно только

догадываться. И, во всяком случае, вслух об этом почти ничего ещё не сказано.

Перевод поэмы «Джаныл Мырза» сегодня признан как вершинное достижение переводческого искусства в современном Кыргызстане. Это отмечено было великим переводчиком первой половины XX в. Семёном Липкиным. Об этом писал известный учёный и публицист К.И. Мамбеталиев, сопровождая статью демонстрационным переводом фрагмента поэмы [9]. Об этом писала также одна из виднейших исследователей кыргызской литературы профессор Ч.Т. Джолдошева [10], а в последнее время – племянник поэта публицист Тендик Тыныстанов, живущий и работающий в Лондоне.

Тем не менее изменения в обществе и государстве – и прежде всего суверенизация и иная степень самоидентификации культуры, общественно-литературный контекст Средней Азии и Евразии в целом, вхождение страны в систему мирового сообщества, последующее празднование 1000-летия эпоса «Манас», стратегия осознания кыргызской государственности и признание этого акта ООН – всё это постепенно преобразило облик общества и его литературы, хотя далеко не всегда в оптимистичную сторону.

Вывод. Перевод перестал быть государственной макропрограммой, его централизованное финансирование было фактически прекращено, дальнейшее литературное существование стало зависеть от внутренних возможностей и коммерческих интересов. На какое-то время утратил актуальность выход творчества на международные площадки, художественное сознание кыргызских писателей локализовалось, художественным пространством-временем стала

по преимуществу отечественная история, а перевод на ближайшие десятилетия фактически стал делом энтузиастов.

Поступила: 09.06.22; рецензирована: 23.06.22;
принята: 27.06.22.

Литература

1. *Токтогул*. Тандалмалар. Эки томдук / Токтогул. Фрунзе: Кыргызстан, 1989.
2. *Токтогул*. Избранное / Токтогул. Фрунзе: Кыргызстан, 1989.
3. *Шаповалов В.И.* Арчовый костёр / В.И. Шаповалов // Антология киргизской поэзии. Фрунзе: Кыргызстан, 1983.
4. *Алиева Севда Джалал кызы*. Проблемы подбора эквивалентных соответствий при переводе лирических произведений / Алиева Севда Джалал кызы // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. М., 2019. С 37–42.
5. *Шаповалов В.И.* История перевода одной элегии. Судьба лирического шедевра Токтогула в XX веке // Контексты перевода / В.И. Шаповалов. Бишкек: Просвещение, 2004. С. 74–99.
6. Касым ырларынын жыйнагы. Kazan, 1925.
7. *Шаповалов В.И.* Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции // Контексты перевода / В.И. Шаповалов. Бишкек: Просвещение, 2004. С. 299–307.
8. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. 2-е изд. / Н.К. Гарбовский. М.: МГУ, 2007.
9. *Мамбеталиев К.* Перст указующий: крамола! / К. Мамбеталиев // Литературный Киргизстан. 1992. № 4. С. 104–107.
10. *Джолдошева Ч.Т.* Роль русской литературы в формировании творчества Касыма Тыныстанова. Лирическая поэзия Касыма Тыныстанова в русских переводах // Взгляд на отечественную литературу. Научно-критические статьи разных лет. / Ч.Т. Джолдошева. Бишкек: КНУ, 2004. С. 178–210.